

ПАМЯТЬ

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книг «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Публиковался в различных изданиях АНР, России, Украины, Сербии, Молдовы. Живёт и работает в Луганске.

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ ИВАНОВНЫ КУЛЬБАЦКОЙ

С Любовью Ивановной Кульбацкой я познакомился в июле 2002 года, когда готовил для одной из всеукраинских газет интервью с заведующей литературным музеем В. И. Даля Татьяной Николаевной Свиридовой. Интервью так и не вышло, но с этого времени началось моё знакомство с музеем и его сотрудниками. И славный «домик Даля» вошел в моё сердце, да так, что я и представить свою жизнь не могу без этих тихих комнат, без мудрого Даля, взирающего с портретов, без милых, трепетно любящих далевское слово сотрудниц.

Спрессованные в мгновения воспоминаний годы трудно кратко передать читателю. Ещё труднее это сделать, когда нужно рассказать о человеке, о его жизни. Можно перечислить даты, события, достижения. Но это всё – слишком внешнее, будто отстранённое от личности, не раскрывающее душу, а скрывающее её. Может, жизнь и состоит из дат и событий, но человека за ними точно не рассмотреть.

Так считала Любовь Ивановна Кульбацкая, это было отправной точкой в её работе над сценариями литературных вечеров. Мне посчастливилось быть её соведущим различных мероприятий: вечеров памяти Пушкина, Гаршина, Цветаевой. Я видел, ощущал её невероятно трепетное отношение – к слову и жизни. Она не хваталась за факты наобум, лишь ради соблюдения хронологии, не гналась за сенсациями или «пикантными эпизодами». Из густой массы воспоминаний современников, литературных текстов, мнений исследова-

телей она создавала изумительной правдоподобности живой образ – Человека, Мыслителя, Творца.

Мне кажется, это становилось результатом подлинного вживания в эпоху, погружения в неё – душой и плотью. Она жила русской литературой. И русская литература жила в ней. Может, от этого её реальная жизнь была пронизана трагичностью? Но переживаемая жизненная неустроенность несколько не сломила её, хотя, конечно, это омрачало её жизнь. Может, оттого Любовь Ивановна с ещё большей энергией погружалась в литературную реальность, в которой ей протягивали руку понимания Пушкин и Даль, Гаршин и Чехов, Цветаева и Гоголь. Это спасало от убивающей душу сартровской «Тошноты».

Собственно, общение с Любовью Ивановной открыло мне, что литература – вовсе не фикция. И не полки с книгами в твоём доме или в библиотеке. Литература – книги в твоей душе, прочтённые и пережитые тобой, растворившиеся в тебе и ставшие неотделимой частью твоего собственного существования. Живая литература живёт в тебе самом.

Это понимание живой литературы Любовь Ивановна воплощала в работе с молодыми поэтами. И радостное восклицание: «Здравствуй, племя молодое!» звучало на проводимых ею встречах без фальши, по-пушкински искренне, просто и честно. Потому с такой радостью отзывались на её призыв многие молодые авторы, через гостиную «домика Даля» отправляющиеся в литературу, порою не подозревая, что этот путь несёт не только радость.

Любовь Ивановна тщательно работала над своими текстами. Её статьи поражают погружением в детали, саму суть вещей. И, казалось бы, через жизненную мелочь перед нами представляли великие русские классики – Гоголь, Даль, конечно же, Пушкин. И были они простыми, полнокровно живыми людьми, а не такими марвеловскими продуктами с привкусом жженой резины и лицемерия. Потому и ближе, роднее, по-русски искренне. И к тебе в душу, как к себе домой, входил Александр Сергеевич, не бронзовый классик, а живой человек во плоти, чтобы прочесть тихим голосом:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Отступает время и разница в менталитете поколений, нет никаких преград между вами, одно лишь русское слово, одни лишь чувства и мысли человека, близкие и понятные, тогда и сейчас, сейчас и тогда – без разницы. Ибо ты сам становишься одним целым с пушкинским словом. Это и есть преемственность.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...

Пушкин. Такое ёмкое слово для любого русского. Произносишь его, и перед тобой встают и вековечный дуб, и витязи златые, и мудрая тишина Болдинской осени, и трепет сердца Татьяны, и животворная сила русской природы. Любовь Ивановна боготворила Пушкина, знала и умела открыть его так, как никто другой, мне кажется. Пушкин для неё был свой, интимный, очень личный. Помню, в одну из наших бесед она сказала, что не любит книгу Марины Цветаевой «Мой Пушкин». Мне тогда показалось это странным: как можно любить стихи Марины и отвергать её чудесную книгу. Сейчас же, через много лет, мне кажется, что я раскрыл эту тайну. И Цветаева, и Любовь Ивановна понимали Пушкина очень лично, по-женски лично. А это значит, что виденье одной женщины неизбежно отвергает виденье другой.

Помню, в июне 2014 года мы не раз созванивались с ней. В это время Луганск был под обстрелами украинских войск. Я жил с семьей в Вергунке, она – у парка Горького в Камброде. Телефонные разговоры длились долго. Говорили о разлитой над нашим городом тревоге, делились редкими новостями, пытались поддержать друг друга. Мне, конечно, было легче: я был с семьей. Любовь Ивановна была одна в своей квартире, и я ощущал весь её ужас, в её тихом голосе, когда она рассказывала о вибрациях от взрывов, о том, как не решается спать в комнатах и спит в коридорах «чтобы осколки снарядов не долетели»... В июле связь телефонная умолкла и я лишился возможности слышать её голос. Лишь осенью я узнал, что ей посчастливилось уехать из Луганска в Россию и переждать там тяжелую августовскую блокаду, которой Киев пытался задушить свободу луганчан.

Об этих и других телефонных разговорах с Любовью Ивановной Кульбацкой я помню и до сих пор не решаюсь уда-

лить её номер из своего телефона, хоть дозвониться до небес ещё никому не удавалось.

Меня всегда потрясала её эрудированность в истории русской литературы. Она молниеносно вспоминала малейшие эпизоды из биографий любимых писателей, могла на память цитировать их строки. Никогда не ждала, чтобы за ней поспели: была уверена, что если она уже перестроилась на другую волну, то и другие это с легкостью сделают. Признаюсь, что порою во время совместных литературных вечеров у нас возникали некоторые несостыковки, как раз по причине того, что я не поспевал за ходом её быстрой мысли.

Тонкая, худенькая, почти невесомая Любовь Ивановна и двигалась так – будто летела. И так трудно было поспеть за ней, за её мыслями, за её шагом.

И вот её нет. Оторвалась от нас. Растаяла. Растворилась в тихих луганских улочках, в залах родного «домика Даля», в котором работала с первого дня открытия, во всех, кто её знал. И закрыв глаза, обратившись к своему сердцу, я вспоминаю наши беседы о литературе и жизненных пустяках, наши споры, её голос, улыбку, весь трепет её ранимой души и ощущаю в себе частичку Любовь Ивановны, человека, научившего меня понимать литературу и ценить Пушкина.